

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Теория вариативности, с давних пор привлекавшая внимание ученых, по праву принадлежит к числу важнейших в современном языкознании. Большой интерес к варьированию языковых средств объясняется тем, что только полное, всестороннее изучение этого феномена позволит понять принципы и законы диахронического развития и синхронного функционирования языка. Являясь в последние годы предметом внимания многих лингвистов, проблема вариативности в теоретическом плане остается все еще не достаточно исследованной.

Но, несмотря на обширность публикаций, единой точки зрения на природу вариантности нет. Обобщая исследования отечественных и зарубежных лингвистов, можно прийти к выводу, что существует несколько подходов к этому вопросу.

Одни исследователи (Т.П. Ломтев, О.И. Москальская, К.С. Горбачевич, Р.П. Рогожникова) считают, что исходный момент выделения вариантов – разница в структурном оформлении. Другие (В.В. Виноградов, А.И. Сминичкий, М.Д. Степанова, Н.Н. Семенюк, И.П. Распопов, И.Б. Хлебникова, З.Д. Попова) указывают на необходимость различать вариантность как в плане выражения, так и в плане содержания. Третьи (В.И. Кодухов, И.М. Жилин, М.М. Маковский, Н.П. Овдиенко, Е.Г. Белявская) допускают возможность варьирования не только на основе видоизменения общего семантического или общего формального признака, но и варьирования, захватывающего одновременно оба вида основных признаков языковых единиц.

Иногда вариантность трактуется очень широко: к вариантам, наряду с модификациями в формальном или семантическом плане одних и тех же лингвистических единиц, относят и формы, обычно квалифицируемые как синонимы (О.С. Ахманова, Л.П. Евгеньева, В.С. Храковский, В.П. Конецкая, И.А. Расторгуева, А.И. Чередниченко). При широком применении термина «вариантность» говорят о национально-государственных вариантах языка, о вариантности диалекта и наддиалектного языка, о вариантности социолектов, о возрастной речевой вариантности или вариантности мужской и женской речи и даже о прагматической вариантности (В.Д. Девкин, А.И. Домашнев, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер). Однако есть и такие концепции, в которых вариантные отношения сводятся к дублетным (Л.П. Зайцева, В.М. Филиппова).

Анализ специальной литературы показывает, что изучение вариативности осуществляется с различных сторон. Например, с позиции общего языкознания: ставится вопрос о понятиях «онтология вариативности», «вариант», «инвариант», «типы и виды вариативности», «факторы вариативности», «границы вариативности» и т.д. Вариативность рассматривается и под углом зрения культуры речи (нормативность /ненормативность), истории языка (эволюционное развитие единиц языка), функциональной стилистики и стилистики (реализация параллельных средств выражения в различных коммуникативных сферах и дифференциация в плане экспрессивных возможностей), со стороны социолингвистики: стратификационная и территориальная реализация вариантов, в другой терминологии – диастратная и диатопная их реализация. В последние годы вариативность описывается в аспекте межкультурной коммуникации. Поскольку вариативность присуща любому уровню языка, для выявления ее специфики в различных звеньях языковой системы она изучается в ракурсе варьирования языковых средств на уровне фонетики, лексики и грамматики, что помогает разрешению насущных проблем фонологии, синтаксиса, семантики, вырабатывает новую методологию при исследовании взаимодействия социальных и собственно лингвистических процессов в языке.

Следует отметить отсутствие общепринятой единой терминологии понятия «вариативность». Так, на вопрос, что такое вариативность, Н.Ю. Шведова отвечает: «Вряд ли найдутся два исследователя, которые ее понимают одинаково» [Шведова 1983:239].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре дано следующее определение: вариантность (от лат. variants – изменяющийся) (вариативность) – 1) представление о разных

способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы; 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом [ЛЭС 1990].

По определению В.Г. Гака, вариативность – одно из фундаментальных свойств функционирования языка [Гак 2001:4].

Одни авторы (В.М. Солнцев, Г.М. Вишневская) употребляют первые два термина синонимично; другие (А.Д. Травкина, Д.А. Шахбагова) – дифференцированно.

По мнению В.М. Солнцева, в лингвистике понятие вариативности (вариантности) используется двояко. Во-первых, как характеристика всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений или результатом иных причин. Во-вторых, понятие вариативности используется как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии [Солнцев 1984:32].

А.Д. Травкина утверждает, что термин «варьирование» следует применять для обозначения самого явления или понятия, а «вариативность» – к результатам действия этого процесса [Травкина 1985:5].

Не менее интересна и трактовка Д.А. Шахбаговой, которая считает, что несмотря на близость рассматриваемых терминов, «можно использовать термин вариативность для обозначения свойства подвижности единиц языка, тогда как термин вариантность имеет более широкое значение. Он служит для обозначения вариантов языковой системы» [Шахбагова 1992:10].

При рассмотрении подходов А.Д. Травкиной и Д.А. Шахбаговой, становится очевидным, что они выделяют варьирование – процесс, явление, сопровождающее развитие языка; вариативность – свойство языка, служащее условием этого процесса, а также вариантность – результат этого процесса, выражающийся в существовании различных вариантов языка.

Ряд ученых (К.С. Горбачевич, Н.Н. Семенюк, Ф.П. Филин) рассматривают вариативность с позиции формального варьирования, варьирования плана выражения при тождестве (близости) плана содержания. Здесь исследователи выделяют широкое и узкое толкование. Вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. При таком понимании нет необходимости в противопоставлении варианта инварианту. В узком смысле вариативность определяется как «характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии». Здесь рассматривается дихотомия «вариант-инвариант», где инвариант выступает в качестве абстракции, носителя признаков класса, отвлечения от конкретно реализуемого набора вариантов.

Отдельные исследователи (В.Н. Ярцева, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер) рассматривают проблему языковой вариативности с позиций семантического варьирования, т.е. варьирования значения в пределах одного слова, конструкции или формы.

Н.М. Фирсова, в свою очередь, отмечает, что вариативность является своего рода составляющей для вариантности, которая сдерживается традиционными тенденциями, сохраняющими целостность языковой системы [Фирсова 1986:18].

Можно рассматривать вариативность, в отличие от вариантности, как динамику, процесс развития и изменения языка, а вариантность – как результат вариативности (динамических изменений в языке), находящий отражение в самой системе языка и проявляющийся в наличии определенных вариантов данного языка. Вариативность всегда указывает на наличие способности к видоизменению, в речи это наиболее ярко проявляется в языковой экспрессии. Вариантность уже зафиксирована в языке, вариативность же обладает потенциальной движущей силой, которая постоянно живет и вызывает те или иные языковые изменения [Вишневская 1997].

Как отмечает В.Г. Гак, вариативность играет большую роль в жизни языка. Она выполняет важные социальные функции, позволяя различать пространственные и социальные коллективы говорящих, дифференцировать речь в зависимости от условий и целей общения (функциональные стили), делать речь более точной и экспрессивной. Варьирование является одной из отличительных черт языка среди других знаковых систем [Гак 2001:5].

По мнению В.Н. Ярцевой, чем глубже мы познаем закономерности функционирования и развития языка, тем больше укрепляемся в мысли, что варьирование языковой системы, ее средств и отношений в процессах ее взаимодействия со средой – это ее повседневное и органическое состояние. Даже в подлинно одноязычной стране (а такие встречаются весьма редко) коммуникативная ситуация бывает достаточно сложной, в ней принимают участие различные разновидности данного языка. «... язык не единообразен и, вероятно, никогда единообразным не был. Территориальная, социальная, профессиональная, жанрово-стилистическая дифференциация характерны для любого языка ...» [Ярцева 1985].

Вариативность, неотъемлемое свойство языка, реализующаяся, как отмечает автор, на всех уровнях уже на первых этапах его сложения в виде недифференцированных вариантов литературной формы, с течением времени проявляется при более строгом определении и сознательном регулировании литературной нормы в разделении литературной и нелитературной форм. Автор утверждает, что следует различать варьирование формальное и варьирование семантическое. Под формальным варьированием подразумеваются синонимичные группы на любом уровне языковой системы – фонетическом, лексическом, грамматическом. Единственным условием является включение данной группы в структуру только одного уровня языка [Ярцева 1990].

Разные подходы имеют свои положительные и отрицательные стороны, и их выбор в значительной степени предопределяется спецификой конкретных материалов анализа и целеустановкой исследователя. Таким образом, как явствует из вышеизложенного, несмотря на значительные достижения в изучении вариативности, ее понятийный аппарат требует дальнейших уточнений. Представляется вполне справедливой точка зрения, высказанная В.Г. Гаком и А.И. Домашневым, о необходимости специальной разработки общей теории вариативности языковых средств (по терминологии В.Г. Гака она должна называться вариалогией, А.И. Домашнева – вариантологией) [Фирсова 2000:86].

Несмотря на различные подходы, мы придерживаемся концепций Санкт-Петербургской фонологической школы и пытаемся разграничить понятия «вариативность», «вариантность» и «вариабельность». Вариабельность – свойство языка (или его уровней) в целом, способность к варьированию нормативных средств. Вариативность – взаимозаменяемость вариантов в пределах синхронного подхода и в рамках литературности, нормативности; функционирование нормативных вариантов в речевой деятельности. Вариантность – это соположение вариантов (как в синхронии, так и в диахронии), употребление которых отмечено в речи (литературность – нелитературность; старое – новое; правильное – неправильное и т.п.) [Вербицкая 1976:19].

Литература

1. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1997. – 100 с.
2. Гак В.Г. Об общих факторах вариативности в языке // Степановские чтения. Проблема вариативности в романских и германских языках: Тезисы докладов и сообщений Международной конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 4-5.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Изд-во Советская Энциклопедия, 1990. – 687 с.
4. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // ВЯ. – 1984. – № 2. – С. 31-42.
5. Фирсова Н.М. Проблема вариативности морфолого-синтаксических средств (на материале испанского языка) // Функционирование языковых единиц в разных сферах коммуникации. – М.: Изд-во РУДН, 1986. – С. 16-35.
6. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 128с.
7. Шахбагова Д.А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского вариантов английского языка). – М.: Изд-во «Фоллис», 1992. – 284с.

8. Шведова Н.Ю. К понятию вариативности в языке (на материале лексического множества) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1983. – Т.42. – №3. – С. 239.
9. Ярцева В.Н. История английского языка IX-XV вв. / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985. – 248 с.

О.А. Черновол-Ткаченко
г. Харьков, Украина

ТЕОРИЯ БИСОЦИАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНОГО ЮМОРА

Смех – это типичная человеческая реакция на целый ряд стимулов: мы смеемся не только над вербальными шутками, но и над экстралингвистическими карикатурами, кадрами немого кинематографа и даже над очевидно некодированными ситуациями, например, над гримасничающей обезьяной или над поскользнувшимся на банановой кожуре человеком. Смех в каждой ситуации является сигналом того, что мы находим ее комичной. Однако, количество способов кодирования и передачи комического настолько велико, что на первый взгляд может показаться, что, кроме самого комического, никакая из черт/особенностей комических ситуаций не может быть названа их связующим звеном. Тем не менее, опыт философского и лингвистического осмысления проблемы со времен Аристотеля, а также наш собственный опыт доказывает, что существует единый набор элементов, составляющих «код юмора» и неизменно «работающих» в любой комической ситуации.

Мы разделяем точку зрения Норрика [Norrick 1986], который полагает, что семиотика, в задачу которой входит изучение кодовых систем и их взаимоотношений, стоит перед необходимостью описать код юмора и наше восприятие этого кода. Для этого, в первую очередь требуется определение условий, необходимых и достаточных для того, чтобы назвать тот или иной знак несущим в себе заряд комического. Затем эти условия должны быть соотнесены с принципами человеческого мышления и механизмом восприятия комического.

До настоящего момента понятие бисоциации (понятие Кестлера) [Koestler 1964] в различных формах наиболее часто было представлено как единственно необходимое условие для юмора, а исследования когнитивистики закрепили за теорией фреймов [Minsky 1979, Rumelhart and Ortony 1977, Schank and Abelson 1977] роль наиболее многообещающей модели человеческого знания [Norrick 1986]. Однако понятие бисоциации и теория фреймов не были рассмотрены во взаимосвязи с целью пояснения процесса восприятия вербального юмора. Данная статья – это попытка такой интеграции, предпринятая с целью доказать, что в основе любой ситуации комического вообще и вербального юмора, в частности, лежит схема логического конфликта, описанная ниже.

Теория фреймов обозначает скрипты/фреймы/схемы как эмпирически обоснованные корреляты «когнитивных матриц» [Douglas 1968], к которым имеет непосредственное отношение теория бисоциации Кестлера [Koestler 1964]. Последняя трактует понятие бисоциации как модель, в основе которой лежит «восприятие ситуации или идеи, L, в двух самодостаточных, но обычно несовместимых фреймах референции, M1 и M2» [Koestler 1964: 35]. Ситуация/идея L, в которой оба фрейма пересекаются, претерпевает взаимное воздействие (вибрацию) в двух различных направлениях. Пока такая необычная в когнитивном плане ситуация продолжается, L не ассоциируется реципиентом с одним конкретным контекстом (фреймом), а бисоциируется с обоими. При этом Кестлер утверждает, что бисоциация с двумя несовместимыми когнитивными матрицами вызывает моментальный перенос внимания от одной к другой, а порождаемое здравым смыслом напряжение находит выход в смехе [Koestler 1964: 60].

Представляется, что механизм создания комического эффекта Кестлера является более релевантным с точки зрения описания его вербальных аспектов по сравнению, например, с бисоциативной теорией Бергсона [Bergson 1900], который центральным моментом юмора считает противопоставление морального и механического. Кроме того, теория Кестлера охватывает также и все способы выражения комического, выделенные Фрейдом [Freud 1993].